

Глава 1

ГНЕВ ПОСЕЙДОНА

Волны Эгейского моря лениво поглаживали борт парусника, что спешил домой, в родные Афины.

— Я так соскучился по маме! — вздохнул Тео, глядя вдаль.

— А я соскучилась в сто раз больше тебя! — тут же возразила Тея, крепко держа папу за руку.

— И мне, родные мои, не терпится поскорее вернуться! — кивнул папа Филей.

Он ведь так выгодно продал все свои товары — и вкуснейшие финики, и ярчайшие ткани: для этого пришлось пересечь необъятное Эгейское море.

— Терпение! Ещё всего несколько дней плавания — и мы будем дома. — Филей ободряюще улыбнулся детям.

Парусник был нагружен богатым товаром: амфорами с душистым мёдом, спелым инжиром и изящной глиняной посудой — ценным грузом, который Филей рассчитывал выгодно распродать в Афинах.

Вдруг над палубой раздалось резкое, тревожное карканье. Крао, их верный ручной ворон, взъерошенный и явно обеспокоенный, тяжело опустился на палубу.

— Он напуган! — вскрикнул Тео.

Тея нежно погладила маленькую, словно смоляную, голову птицы.

— Чего ты боишься? — прошептала она Крао.

— Я, кажется, понял! — воскликнул Филей, его палец стремительно указал на большое тёмное облако, которое теперь пронзали вспышки молний.

— Буря... буря начинается! — пробормотал Тео.

— О нет... — застонала Тея.

Филей одним резким рывком опустил парус. словно по команде, все трое вихрем кинулись на палубу, чтобы привязать драгоценный груз. Небо мгновенно почернело, и бешеный ветер принялся яростно швырять парусник из стороны в сторону. Крупные холодные капли дождя больно хлестали их по лицам.

Несколько минут спустя морская стихия проснулась во всей своей свирепой ярости. Гигантские пенистые волны с грохотом обрушивались на корпус парусника. Небесный гром сотрясал воздух до основания, а ветер неистово завывал, заглушая мысли путешественников.

Близнецы теснее прижались друг к другу, видя, как отец изо всех сил пытается удержать судно на курсе.

— Держитесь крепче! — Крик его едва пробивался сквозь рёв бури.

Испуганный Крао чёрной молнией метнулся и скрылся в пустой амфоре.

— Молодец, Крао! Там ты хоть ненадолго будешь в безопасности, — одобрительно прокричала Тея.

Промокшая до нитки, она попыталась разрядить нарастающее напряжение.

— Мы прямо как Одиссей, которого преследует неукротимый гнев Посейдона, бога всех морей, — заметила она.

Неудивительно, что Тео содрогнулся, вспомнив этот миф. Ведь Посейдон так и не простил Одиссею то, как он ослепил его сына, циклопа Полифема, чтобы вырваться из смертоносной ловушки пещеры.

— Да, только мы, в отличие от него, не ослепляли его сына! — вырывалось у Тео, и его голос дрожал, выдавая неприкрытый страх.

Море не унималось, продолжая свою неистовую пляску. Внезапно раздался треск, пронзивший грохот бури, и Тео вскрикнул.

— Амфора упала за борт! — отчаянно воскликнул он.

Дети, цепляясь за скользкую палубу, поползли к борту. Внизу, среди вздымающихся волн, они увидели глиняный сосуд, который, словно танцуя, уносился прочь.

— Там же Крао! Он внутри! — вдруг с ужасом осознала Тея.

— Крао! — что есть сил крикнул Тео. Но его отчаянный возглас тут же поглотила буря.

Близнецы беспомощно следили, как хрупкий сосуд отдалялся. Порой амфора взмывала на вершину пенного гребня, лишь на мгновение, чтобы тут же исчезнуть в бездонной глубине. Она тонула вдали, пока не превратилась в едва различимую точку, бесследно растворявшуюся в объятиях разъярённого моря.

Филей с горечью смотрел на своих подавленных детей. Увы, он был бессилен что-либо сделать. Ему самому с невероятным трудом удавалось удерживать судно на плаву среди бушующей стихии.

— Держитесь крепче! — сдавленно хрипел он, пытаясь перекричать ветер.

Тея и Тео, сгорбившись от бессилия, скользнули к центру парусника и накрепко привязали себя к мачте толстыми верёвками. Ветер неистово ревел, доски корпуса жаловались и трещали под свирепыми ударами волн, что неотступно захлёстывали палубу.

Близнецы были в ужасе и в этой немой тревоге лишь задавались вопросом, суждено ли им ещё когда-нибудь увидеть своего верного крылатого друга.

